

Культура у истоков роста

Joel Mokyr

A Culture of Growth

The Origins of the Modern Economy

Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 2017, 400 pp., \$35 (hardcover)

В книге Джоэла Мокира «Культура роста: истоки современной экономики» (*A Culture of Growth: The Origins of the Modern Economy*) культуре отводится центральное место в быстром экономическом росте и индустриализации, вызванных первой Промышленной революцией и продолжающихся и самоусиливающихся в Западной Европе с тех пор. Автор настаивает, что причиной того, что перемены, способствующие росту, произошли в Европе, а не, скажем, в Китае, является определенный тип культуры. Что означает эта культура, и что привело к тому, что она в Европе другая, является темой этого наводящего на размышления анализа.

Мокир утверждает, что Просвещение и Промышленная революция не были экзогенными событиями, а были следствиями смены установок (которые он называет «культурой») в Западной Европе. Эта смена происходила на протяжении примерно двух веков, с 1500 года по 1700 год, в период, когда произошла перемена в убеждениях относительно возможности людей использовать науку, для того чтобы управлять своей судьбой, и, в особенности, природой.

Эпоха Просвещения, начавшаяся в конце XVII века и продолжавшаяся в течение XVIII века, содействовала поиску «практических знаний», то есть знаний в сфере науки и техники, который привел к установлению

постоянного и устойчивого контроля над силами природы.

Этот процесс «подталкивали» два видных деятеля, Фрэнсис Бэкон и Исаак Ньютон, которые изменили течение мысли в Западной Европе, а затем во всем мире. «Истинная и законная цель всех наук состоит в том, чтоб наделить жизнь человеческую новыми изобретениями и богатствами», — писал Бэкон. Его влияние и влияние его последователей на Просвещение сыграло ключевую роль в возникновении убеждения в том, что «естественные исследования» путем экспериментов необходимы для роста экономики и благосостояния человека. Вклад Ньютона заключался в том, что он продемонстрировал, что можно найти «правила» (математические закономерности) природы и тем самым раскрыть тайны природного мира. Как Бэкон, так и Ньютон изменили в свое время течение мысли, поскольку конкуренция на рынке идей позволила людям «распространять сообщения, и, следовательно, оспаривать, исправлять и дополнять» их идеи, отмечает Мокир.

Но как эти изменения в культуре возникли и распространились в период коренных перемен в Европе? Как Просвещение превратилось в Промышленную революцию, которая, в свою очередь, стала отправной точкой устойчивого роста? Мокир рисует общую картину, когда усовершенствования в навигации и судостроении открыли Европу для новой продукции и новых идей («ранняя» глобализация), а печатный станок снизил стоимость обмена информацией и увеличил блага, связанные с грамотностью. Эти изменения открыли умы для новых идей и новых образов мышления в других областях и уменьшили приверженность старым идеям. Этим изменениям также способствовало отсутствие единого центрального органа управления в Европе, свобода личности, обеспечение прав собственности и конкуренция на рынке как в отношении материальных благ, так и в отношении идей. Эти новые идеи, в частности, привели к достижениям в области науки и техники, которые мы сейчас называем Промышленной революцией. Все это обеспечило устойчивый экономический рост.

Затем Мокир демонстрирует, что изучение того, что произошло, является полезным, но в равной мере полезен анализ того, почему чего-либо не

произошло. Он использует пример Китая в качестве противопоставления быстрому развитию в Европе культуры роста. Хотя Китай раньше был по крайней мере столь же технологически развит, что и Европа, если не в большей мере, и безусловно, имел более грамотное население, он не произвел ничего подобного Промышленной революции. Мокир объясняет медленный прогресс в Китае такими факторами, как преклонение перед классической китайской литературой, центральное правительство, которое сдерживало конкуренцию между регионами, отбор администраторов на высокие государственные должности исходя из их знания китайской литературы, а не науки и техники, а также сравнительно низким уровнем значимости конкуренции по сравнению с Европой. Эти условия обеспечивали стимулы, которые способствовали успеху в других областях китайской культуры, но не стимулировали идеи и действия, связанные с промышленной революцией. В заключение Мокир отмечает: «Было бы неправильно называть китайский опыт «неудачным». События, произошедшие в Европе XVIII века, были исключительными, более того — уникальными».

Эти изменения уменьшили приверженность старым идеям.

Эта книга является последним примером способности Мокира объяснять сложные вопросы, иллюстрируя глобальный тезис множеством восхитительных деталей. Он пишет очень понятно — удовольствие от чтения получит как простой читатель, так и специалист по экономической истории. Книгу «Культура роста» следует прочитать любому, кто интересуется тем, как западное общество достигло сегодняшнего уровня, и что это значит для распространения технологии в мировой экономике будущего.

Барри Чисвик,
Профессор экономики
и международных отношений,
Университет им. Джорджа Вашингтона